

ГЛАВА 65

- Блять! Болит, пиздец как! Ммм... – зашипел Сергей, подошел к окну, поднес указательный палец к глазам и, морщась, стал его рассматривать. Пятница, последний день октября, на часах начало десятого, мы только-только собрались в офисе.

- Че такое? – посмотрел я на него, сидя в кресле.

- Да кот этот меня вчера оцарапал! – кривился Сергей, поджимая кончик пальца ногтем большого.

- О, а че, уже кот у вас, да!? – обрадовался я и удивленно посмотрел на Веру.

- Да уже давно, - отмахнулась та. – Уже неделю у нас живет... такой хорошенький...

- Аха, хорошенький! – произнес Сергей, показал палец жене. – Хлянь, как оцарапал! Аж под ноготь...

- Сереж, да ты сам виноват... – укоризненно сказала Вера и начала печатать.

- А как это он тебя так оцарапал? – удивился я, не представляя ситуацию.

- Да он его схватил... – начала было Вера.

- Да он посреди дивана лежал! – перебил жену Сергей, та замолчала, он продолжил, глядя на меня. – А я его хотел скинуть оттуда, так схватил его...!

Сергей с удовольствием в голосе сделал хватательное движение рукой, выкинув ее вперед, сжал пальцы с силой в кулак. Я понял, котенку стало больно, он и выпустил когти.

- А он как воткнул мне коготь! Да так глубоко! – Сергей снова посмотрел на рану. – Прямо в то место, где сбоку ноготь под кожу уходит... Так болит...

- Ну все, котенку хана! – хохотнул я.

- Да ниче не хана... – улыбнулась Вера.

- Не, Вер! – выдал Сергей. – Надо его отдать кому-то или я его выкину!

- Ну Серёёж!!? – недоуменно посмотрела та на мужа.

- Не, Вер, даже не проси! Я сказал – выкину, значит, выкину! Отдавай его, кому хочешь... Чтоб его в квартире не было...

- Серёж! – все смотрела Вера на мужа, недоумевая сильнее. – А дети!?

- Детям я все объясню! Лилька – большая, поймет! А Лёнька через неделю забудет. Я ему танк куплю, и он забудет! – отмахнулся Сергей, сунув оцарапанный палец в рот.

Уже вечером дома, идя мимо телевизора, я обратил внимание на аналитическую передачу. Ведущий с вспотевшей от волнения холеной лысиной трясущимися толстыми губами рассказывал о глубине падения всех мировых и российских биржевых котировок. Выходило, что Сергей сказал правду – он потерял на кризисе все, что набежало в заначке за несколько лет и вернулся к исходной сумме. «Тысяч пятьдесят-семьдесят осталось у него, ну, максимум – сто», - записалась на подкорку мозга итоговая мысль.

Авторынок задолбал совсем, мы решили с ноября выезжать туда лишь по субботам.

Дни потянулись однообразно унылые. Между Верой и Сергеем все еще ощущалось легкое напряжение. Мы ехали с Сергеем в «мазде», когда я высказался о том инциденте.

- Зря ты так, Серый, на Веру тогда... – произнес я, глядя в окно. – Тем более все слышали... Как-то нехорошо вышло...

- Роман, ты вот не знаешь...! – с жаром среагировал тот. – А я потом дома перед Верой извинился!

- Ааа... ну если так, тогда нормально... – буркнул я, кивнул, а сам подумал: «Насрал то ты на жену публично, а извинился приватно...»

Тут же в голове нарисовалась картина – мелко суеющийся на кухне вокруг жены Сережа, пытающийся загладить свою вину и бурчащий что-то нелепое на вроде «да ладно, Верок, ну так вышло, сорвался я, че ты? Все же нормально, извини».

Я покривился, продолжая пялиться в окно, на Сергея смотреть не хотелось.

В середине первой недели в офисе снова появились дети. Лёнька заметно подрос, Лилька была все такой же вертлявой и шумной. Как раз начались школьные каникулы.

- Да вот, не с кем сегодня этих гавриков оставить дома! – будто извиняясь, сказала Вера, едва войдя в офис. – Пришлось взять с собой...

Через полчаса подъехал отец, мы с Сергеем укатили с ним на «газели» на склад. С товаром поехал я, Сергей вернулся в офис. Мы с отцом управились быстро, к четверем дня уже снова были в офисе. Темнеть стало ужасно быстро, с каждым днем ночь проникала в город все раньше. Отец уехал, я поднялся в офис. Сергей сидел на стуле в полудреме или в полузабытьи, смотрел куда-то под потолок. Вера стучала пальцами по клавиатуре. Дети тихо и устало слонялись по этажу.

- Мам, ну когда мы домой уже поедим? – пробурчала Лилька.

- Сейчас уже скоро, Лиль, - не отрываясь от монитора, произнесла Вера.

- Вер, да! Давайте уже домой! – встрепенулся Сергей, сел в кресле прямо.

- Щас, Серёж, доделаю... – заторопилась пальцами та.

- Вер, потом доделаешь! Видишь, дети уже устали! Едьте домой, давайте! – отрезал Сергей безапелляционно.

- А ты что, остаешься? – удивленно глянула на мужа Вера, начав собираться.

- Ура, ура, мы домой едем! – закричала Лилька.

- Уля, уля! – запищал следом Лёня, не понимая, чего именно «уля».

- Да, Вер, я остаюсь, мне тут надо кой-че еще сделать! – сделал серьезное лицо Сергей. – Ты компьютер тогда не выключай!

- Ну хорошо, - с недоумением произнесла Вера, начала одевать детей, закончила с ними, оделась сама, повернулась к мужу. – Серёж, ну у меня денег нет, дай на проезд...

- А, да, на проезд... – встрепенулся Сергей, успев вновь впасть в протрацию, полез в «чемодан», вытянул кошелек, протянул жене сто рублей. Та взяла деньги, распрощалась со всеми и вышла с детьми на улицу.

- Это они на чем отсюда поедут? – произнес я, едва дверь за ними закрылась.

- Да на «пятидесятом»! – шмыгнул носом Сергей, закинул руки в замке за голову. – Он отсюда и как раз им прям до дома!

- Успеют до часа-пик то? – произнес я, прикинув, что ползти в набитом «пазике» по запруженному городу на левый берег да через центр не меньше часа точно. – А то щас как застрянут в пробке... Вместе бы да и поехали чуть попозже...

- Да пусть едут! – отмахнулся Сергей. – Че им тут торчать еще час? Дети уже устали за целый день...

В помещении стало устало тихо, какая бывает всегда под конец рабочего дня, когда все дела уже сделаны, и можно расходиться, но еще какое-то время все остаются на своих местах. Делать было совершенно нечего, я сидел и отдыхая. Сергей пересел за компьютер, начал беспокойно его разглядывать, взял трясущейся рукой мышку, кликнул ей раз, замер. Занятно было смотреть на такое. Вдруг подумалось, поразительный факт – мы работали с

Сергеем уже четвертый год, до этого он работал в «Саше» больше пяти лет точно, и за все время так и научился работе на компьютере. Я не переставал удивляться его дремучести в таком важном навыке современной жизни. За последнее время Сергей освоил простейшие операции в торговой программе и то, с трудом и не понимая сути, механически запомнил порядок некоторых действий.

- Роман, ну покажи мне, как тут диски записывать! – шмыгнул он носом. – Я купил вот болванки...

Следующие полчаса оказались для меня утомительными. Я раз и навсегда уяснил – преподаватель во мне умер не родившись. Сергей так туго воспринимал мои разъяснения, что я начал раздражаться. В конце концов, все получилось, Сергей старательно пометил в блокноте порядок записи компакт-диска.

- Ну все! – сказал я. – Теперь жми «запись» и все, диск начнет писаться!

- Аха, да! Сейчас, аха, запишу! – Сергей взял мышку трясущейся рукой, неуклюже подвел курсор к нужной кнопке, дернул пальцем – кликнул, привод ожил. – Запишу себе, чтоб в следующий раз тебя уже не дергать, а самому записывать!

- Записывай, - кивнул я, плюхнулся в кресло, наблюдая, как Сергей неловко держит ручку толстыми пальцами и делает пометки в блокноте. Через пять минут диск записался.

- Ну вот, будет теперь что в машине слушать, а то у меня дисков куча, а на каждом по одной-две нормальной песни и все... И приходится диски постоянно менять... А так, на один диск записал все, какие нравятся и буду теперь слушать! – сказал довольно Сергей, старательно укладывая диск в сумочку к остальным.

- Да, удобно, - кивнул я.

- Так, ну че у нас на сегодня!? – взбодрился Сергей, оглядевшись вокруг, хлопнув ладонями по столу. – Всё!? Дела все поделали вроде!

- Да, - буркнул я, - можно и по домам.

- Ну, поехали тогда! Щас, компьютер выключу... – шмыгнул носом Сергей.

Я встал, потянулся.

- Всё!? – весело выкрикнула Валя из-за прилавка.

- Ага! – кивнул я с улыбкой.

- Вот у кого работа, так работа! – хлопнула та в ладоши. – В десять приезжают, три часа работают, остальное время чай пьют, в пять уезжают! Не то, что мы!

- Валь, мы к этому просто долго шли! – отшутился я. – У вас еще все впереди!

- Да!? Ну тогда я спокойна! Ты меня успокоил! – воскликнула та.

- Все, Борис, пока! Валь, пока! – гаркнул Сергей, вскочил энергично с кресла, надел «аляску», схватил портфель и пошел к выходу, обогнал меня у двери и довольный потопал вниз. Я махнул на прощание рукой соседям, те кивнули, и я вышел.

Суббота, авторынок, 8 ноября. Семь утра, холодно, промозгло. Темень, солнце еще не взошло. Мороз в пять градусов. Я в шапке и одет уже по-зимнему – толстые джинсы, ботинки, теплый свитер с горлом, джинсовая куртка с мехом. Противный ледяной ветерок тянул за собой с северо-запада влагу. Когда я появился на площадке, Сергей уже дремал в «ниссане» с работающей печкой. Я забрался в теплый салон как в нагретую берлогу.

- Пиздец, блять, похолодало как резко... – буркнул я, и Сергей в натянутой на глаза серой вязаной шапке и завернутый в куртку заворочался в кресле.

- Здорово, Серый! – бодро гаркнул я.

- Блять, Роман, не ори, а... – буркнул тот, чем меня лишь повеселил. – Здорово.
  - Я мыть машину сегодня не буду! – продолжил шуметь я.
  - Ну не будешь и не мой, - снова в полудреме ответил Сергей. – Я тоже не буду.
  - Бля, как она заебала! – сказал я в сердцах и добавил громче, обращаясь к машине.
- Когда ж ты, блять, продашься, а!?!??

Глянул на Сергея, тот улыбался из-под шапки, довольный моим экспромтом. Я, наконец, согрелся и тоже утонул в дреме. Спали минут сорок. После начали разговоры. Я говорил о матери, о том, что совсем не понимаю ее – мать продолжает конфликтовать с отцом, только если раньше редко показывалась из своей комнаты, то теперь она активна и скандалит везде по мелочам, но чаще. Отца жалко, мать измордовала его в конец. Я вижу, как он все сносит, удивляюсь его терпению. В завершение исповеди сказал, что осталось немного, до Нового года постараюсь уйти в свою квартиру, сил нет, терпеть все это.

- Ну вот уйдешь в свою квартиру, с матерью станешь видаться реже, помирись, - сказал Сергей, и я с ним согласился. Мне определенно этого хотелось.

Из всех разговоров того дня лишь одна фраза врезалась мне в мозг. Сергей в один из моментов диалога вдруг выдержал долгую паузу, я уж думал – задремал, а он произнес, будто и мне, но скорее из-за внутреннего размышления.

- А я, знаешь, как иногда себя называю? – произнес он тихо.

- Как?

- Свинья...

В понедельник Сергей почувствовал себя неважно, стал жаловаться на температуру и легкое недомогание. Во вторник все повторилось. В среду обострился вопрос с нехваткой оборотных средств в фирме. Тянуть дальше уже было некуда, до конца недели нам предстояло изыскать шестьдесят тысяч и сделать платеж.

- Серый, давай, как договаривались, принесем завтра по пятьдесят тысяч, в пятницу с утра отнесем их в банк и сделаем платеж, - предложил я, глядя на настенный календарь, и вопросительно уставился на напарника. Покусывая губы, тот задумался.

- А сколько нам, шестьдесят надо на этой неделе, да? – глянул Сергей на Веру.

- Да, надо срочно проплатить хотя бы столько, а то мы платеж задерживаем месяц уже, - кивнула та, посмотрела в ожидании на мужа.

- Ну а там никак, Вер...? – начал было он.

- Никак, Серёж, - покачала головой Вера, уже глядя на мужа пристально.

- Ну да... – шмыгнул носом Сергей, задрогал коленкой. – Надо платить...

Он задумчиво посмотрел на меня, наконец, вздыхая, развел руками:

- Да, надо приносить и нести в банк, раз другого варианта нет...

- Ну мы с тобой это обсуждали еще в октябре, что нам понадобятся дополнительно деньги из личных, и что надо быть к этому готовым, - напомнил я.

- Да я помню-помню, - в задумчивости закивал Сергей. – Ну че, тогда завтра приносим по пятьдесят? А в пятницу я тогда кладу их все как заемные средства?

Я кивнул. На том и остановились.

Вечером отец снял в банке со своей книжки пятьдесят тысяч и передал деньги мне.

- Па, ну ты понял, это не бесплатно... – напомнил я. – Под два процента в месяц, и нам на пару месяцев, а там уже, как полегче станет, заберешь свои деньги тогда, хорошо?

- Хорошо, - кивнул отец с мрачным недовольным лицом.

На следующий день в офисе я передал деньги Сергею.

- Ромыч, слушай, - тут же произнес он, - нам же сейчас только шестьдесят нужно... Ты не против, если я сейчас добавлю десятку и положу шестьдесят, а оставшиеся сорок я тогда донесу чуть позже? Просто у меня деньги на счету в банке, а там проценты помесечно начисляются, и если я сейчас сниму их, то просто проценты сгорят и все...

- Блин, Серый... – поморщился я очередной и уже ожидаемой несостоятельности напарника. – Ну мы ж договаривались заранее...

- Роман, ну я виноват, что ли, что в банке так начисляют проценты!?! – возмутился тот. – Ну хочешь, я пойду и сниму, ну потеряю я эти проценты...!?

Я поморщился снова, промолчал.

- Просто нам же сейчас не горит, - продолжил Сергей. – Нам же только шестьдесят надо, ну нужно будет еще сорок, я, чип че, сразу принесу тогда и вложу в фирму!

- Ладно, Серый... – кивнул я, отчего-то ощутив себя сразу уставшим. – Хорошо.

Я как не пытался отогнать неприятный осадок, выходило плохо. И вроде логически Сергей был прав, но его неисполнительность раздражала. «Почему я должен лезть отцу в глаза и просить деньги в долг для благополучия фирмы, а Сергей спокойно напрягается на впятеро меньшую сумму? Один напрягается на сколько надо, другой – на сколько удобно. Мотивирует еще какими-то процентами. Мы же месяц назад все обсудили и договорились держать нужный резерв денег наготове! Почему нельзя заранее подготовиться!?! И так во всем – начинаешь опираться на Сергея, думаешь – там твердо, а там – ненадежно. Жутко все это раздражает...» - закрутились в голове нервные мысли. Я проходил злым весь вечер и даже заснул с трудом.

В субботу на авторынке Сергей чувствовал себя еще хуже. Его явно температурило и знобило. В понедельник на работу Вера вышла одна – у Сергея начался жар, вскочила в подмышке какая-то шишка почти с кулак размером и где-то вторая поменьше. Через час позвонил сам Сергей и голосом «умирающего лебедя» повторил рассказ про шишки. Всю неделю мы трудились с Верой вдвоем – она готовила накладные, а я и отец возили товар.

Под выходные позвонил Вовка, наорал в ухо воплей радости и пригласил увидеться в субботу вечером в центре – я, он и Лера. Встретившись, мы сразу направились в «Чистое небо» и выбрали там дальний столик в первом зале, где потише и уютнее. Еще несколько лет назад мы искали заведения громкие, и толклись в самых шумных их местах, теперь же выбирали обратное. Я осмотрелся, заведение заметно изменилось – чувствовался порядок, охрана была новая, категория посетителей изменилась в лучшую сторону. Времена пьянок прошли, мы сидели в чинном вечернем кафе. Я так отвык от алкоголя, что от ста граммов виски в голове пошли круги, а тело размякло. Вовка и Лера находились в том состоянии, когда изнуренные уходом за маленьким ребенком родители, вырываются вдвоем на вечер и жадно хватают каждую минуту свободы. Уволившись с последней работы с нехорошей историей, Вовка числился безработным, но как малый рукастый, занялся сразу ремонтами квартир. Я встал из-за стола и прошел на танцпол. Время девять, в кафе уже было шумно илюдно, но музыка еще не играла. Развернувшись, я увидел Полинку. Из официанток она оставалась последней, кого я знал. Наш с ней диалог прошел все стандартные начальные фразы и повис на паузе. Мне было нечего сказать. И тут Полинка выдала главное.

- А Наташка замуж вышла, знаешь!?

- Нет, не знаю, - пожал я плечами. – Откуда мне знать...

Снова пауза. Полинка мялась.

- Мои поздравления! Что я могу еще сказать... – помог я ей и добавил. – Наташка – девчонка хорошая, надеюсь, все у нее будет, как надо. Желаю ей любви и всяческих благ...

- Ой, да какая там любовь!?! – встрепелась Полинка. – Он просто за ней бегал... Любит ее, на все ради нее готов, вот она за него и вышла!

- С чего ты решила, что она его не любит?

- Ой, да она мне сама говорила! Сказала, что не любит его, просто он ее любит, она знает точно и уверена в нем, вот поэтому и вышла замуж! – затараторила Полинка, плохо скрывая злорадство. Глядя на нее с инертным лицом, я улыбнулся и развел руками:

- Ну, все равно... Она так решила, надеюсь, все у нее будет хорошо... Это ее выбор.

- Так-то да... – кисло согласилась и кивнула Полинка.

Разговор вновь повис на моем молчании.

- Но я ее, если честно, все-таки не понимаю! – всплеснулась Полинка, помедлила – я молчал – продолжила. – Вы вместе так смотрелись! Ты такой высокий, красивый. А этот ее, муж... маленький, лысенький...

- Маленький? – удивился я, даже забыв про «лысенького».

- Да он меньше нее даже! – воскликнула Полинка. – А ты че его разве не видел!?

- Меньше нее?? – вытаращился я на девушку. – Куда уж меньше? Наташка – метр шестьдесят три, а он тогда сколько? Надо же... Не, не видел...

- Я тоже не понимаю совсем, - сказала Полинка, замялась, неуверенно продолжила. – Что она в нем нашла? Ты мне больше нравился, если сравнивать с ее теперешним... ну, с мужем... Да и вообще, ты мне всегда был симпатичен... Я Наташке даже говорила как-то, что если бы она не встречалась с тобой, то я бы сама, может, даже с тобой попробовала повстречаться...

Полинка так грубо «закинула удочку», что я едва не засмеялся, но удержал все же безучастное выражение лица, оставив фразу без комментария. Полинка немного помялась, вдруг вспомнила про работу, быстро протерлась и юркнула к барной стойке. Я вернулся за стол. Вовка уже пропитался алкоголем, глаза Леры тоже блестели.

- Че ты с этой... с прыщавой общался!?! Как ее...? – произнес Вовка, закинул вилкой в рот салат, зачавкал.

- Полинка...

- А да, Полинка, точно! Блять, она страшная, пиздец! Вся в прыщах, бррр! – мотнул головой Вовка, глянул на жену. – Я тебе говорю, ты бы ее видела! Такую ночью увидишь, обосрешься нахуй!

- Хм, - сдержанно, одними уголками рта едва улыбнулась Лера.

- Да не, она не страшная... Так-то – симпатичная, просто не следит за собой, ходит как чмо, вот поэтому так выглядит... – буркнул я.

- Хы-хы-хы! – засмеялся Вовка, радостный грубой шутке.

- Гы-гы, - выдала тихо Лера.

Пробыв в заведении с пару часов, мы покинули его перед самым началом грохота на танцполе. Я привычно толкнул от себя тяжелую дверь и вышел на улице первым. Там было комфортно – сухо, чуть выше нуля, и дул легкий теплый ветер. Мы прогулялись до центральной площади, я посадил Вовку с Лерой в маршрутку, а сам зашагал к гостинице.

- Че там, как Серый, Вер? – поинтересовался я в понедельник 24 ноября, едва зайдя в офис. Жена Сергея уже сидела за компьютером.

- Ой, Ром, там вообще творится что-то непонятное! – покачала она головой, оторвалась от монитора. – Эти шишки сдулись, но подскочила температура под сорок, у него и понос и все на свете, мы уж не знаем, что делать! Пойдет сегодня сдавать анализы, кровь... Короче, там пипец!

- Да уж, непонятно... Откуда это все? – задумался я. – Шишки какие-то...

- Да мы сами не знаем... Он тогда как проснулся... Ты бы видел эти шишки...

- Ладно, пусть выздоравливает, лечится... Мы тут сами поработаем, справимся...

Вторая неделя без Сергея пролетела в трудовой идиллии.

В пятницу подходило время очередного платежа, надо было закрыть долг, на счету фирмы не хватало лишь десяти тысяч. В четверг на вопрос Веры – что будем делать? – я сказал, пусть Сергей из долга перед фирмой в сорок тысяч и закинет в банк недостающую десятку. Мне совершенно не хотелось звонить напарнику и выклянчивать у него то, что он и так должен был выложить еще неделю назад.

- Я поехал развозить товар, Вер, - сказал я, встав с кресла. – Ты с Серым созвонись, решите вместе, когда он закинет деньги в банк, сегодня или завтра с утра, но так, чтоб мы завтра же и сделали платеж.

И я ушел. Взгляд Веры красноречиво говорил о понимании. Следующим утром она увидела внесенные десять тысяч на счету фирмы и сделала платеж. Неожиданно на работу приехал Сергей, но он почему-то не поднялся в офис, а позвонил мне и попросил выйти на улицу. Спустившись, я сразу понял почему. На улице было чуть выше нуля, небо затянуло тяжелыми серыми облаками, в воздухе висела влага, дул теплый ветер и вперемешку со снегом моросил дождь. Сергей стоял у ворот, но снаружи территории автомастерской. Не узнав его, я даже онемел на пару секунд. Передо мною был другой человек. Сергей будто стал ниже ростом, уменьшился, похудел сильно и комплекцией стал похож на младшего брата. Полнота его вся пропала, передо мною стоял, чуть ли не подросток, разница между нами стала еще ощутимее. Сергей был в спортивных темно-синих штанах, легкой иссиня-черной курточке и вязаной серой шапке. «На бомжа похож», - мелькнуло в моей голове. Напарнику было заметно неловко.

- Блин, Серый, ну и видон у тебя! – воскликнул я.

- Да, Роман, вот так... – кивнул он.

- Ты просто раза в два уменьшился в размерах, реально тебе говорю! – сунул я руки в карманы джинсов после рукопожатия и спрятал лицо от капель дождя-снега за поднятый воротник куртки, поежился от холода.

- На пятнадцать килограмм похудел... – сделал грустное лицо Сергей.

- Нихера себе! Ну вообще да, заметно... А че ты приехал то!? Лежал бы дома!

- Да мне уже получше, температура вроде прошла... Я в банк деньги внес...

- Да, мы с Верой видели, уже и платеж сделали...

- Решил до вас доехать, так, воздухом подышать немного...

Начался рассказ Сергея про перипетию болезни, сдачу анализов, про то, что сначала врачи решили, что у него рак, а после – СПИД; и как он уже простился про себя с жизнью, женой и детьми; и что много думал все это время о жизни, о том, как многое делал неправильно; и ходил после в церковь на службу, ночь там стоял и молился и поставил свечку, а наутро ему стало легче; а потом один доктор сказал, что болезнь эта называется «кошачий

коготь» и случилась она от раны, нанесенной котенком; оказывается, у котов на когтях есть бактерии или вирусы им безвредные, а при попадании в кровь человека вызывают вот такую болезнь; и что теперь у него это в крови навсегда; а он уже несколько раз простился с жизнью, но вроде пошел на поправку – спасибо Боженке.

Сергей рассказывал все с жаром, хотел поделиться, я понимал. Но стоять на улице не хотелось самому, да и держать полубольного напарника тоже. Тем более, я знал, не раз еще услышу эту историю в самых мелких подробностях. Так и вышло, всю следующую неделю Сергей вещал лишь о перенесенных страданиях и страхах.

- Ну ты в понедельник уже выйдешь? – ввернул я вопрос в паузу рассказа.

- Да, в понедельник уже буду, - кивнул Сергей с выражением праведного мученика на лице. И я себя поймал на мысли – а ведь не верю я ему, даже если Сергей, вот сейчас ну ни капли не играет, а действительно так себя чувствует. Вера такая штука, это то доверие, которое за деньги не купишь – раз ушло, то всё, не вернешь! Хоть в лепешку расшибись и проживи остаток дней праведником – не будет того доверия изначального.

- Ромыч, ну там по развозу следующая неделя моя, ты ж возил, пока я болел... – продолжал Сергей. – Если я в понедельник буду себя еще не очень чувствовать... Ну, ты тогда повозишь и эту неделю, хорошо?

- Там две недели, Серый! – поправил я, ощущая внутреннюю безжалостность, как реакцию на возобновившуюся игру напарника по поиску выгоды. – Я две недели без тебя возил товар, а до этого тоже была моя неделя...

- Ну да, две... – сделался Сергей еще жалостнее.

- Да не, я если надо, конечно, повожу за тебя, Серый! Это само собой. Ты же после болезни еще слабый, потом, как оклемаешься, ну, повозишь за меня, я думаю...

Тот кивнул, рассыпался в обещаниях, которые я не слушал, желая скорее закончить общение. Мы простились, Сергей уехал. Я нырнул в здание.

«Странная штука, - подумал я. – Во всех нас сидит какой-то запредельный уровень лицемерия. Живем, крутимся, суедемся в попытках урвать побольше благ себе любимым, пожираем все кругом как саранча. А когда Богу надоедает на это глядеть, он берет такого хитреца и ставит на лезвие бритвы, по бокам которого жизнь и смерть. И качается такой ушлый на лезвии несколько мгновений вправо-влево, и молится, обосравшись от страха, готов даже пол лбом разбить в поклонах перед Богом. Господь его возвращает к жизни в надежде, что тот уяснил урок. И вот отпустило, уже ясно – пронесло – и сразу оживает в человеке все дерьмо, какое лишь на время притихло от страха. И оживает потому, что все от страха, а не от благодарности. И я тоже хорош – этот немощен, а тычу его безжалостно в глаза двумя неделями долга...» Я понимал, откуда она во мне, безжалостность, и вроде как справедливо ее появление, но все равно стал топтать ее ростки в своей душе тут же, не желая давать им, даже намек на возможность прорасти. «Все мы свиньи», - пронеслось в довершение в моей голове, я поднялся на второй этаж, открыл дверь и вошел в офис.

В субботу я пошел в свою квартиру, отец напросился за компанию. Я доделывал в квартире всякие мелочи, он крутился рядом и между прочим сказал о разводе с матерью. «Отмучались, наконец-то», - подумал я, почему-то надеясь на нелогичное – зная характер матери, думал о том, что факт развода ее напугает, и отношения родителей наладятся. Так часто случается – чем меньше между людьми обязательств, тем лучше их отношения.

Удивило то, как мать и отец стали трактовать развод – каждый, вдруг, стал считать этот факт своей единоличной победой. Мать, еще недавно насмерть испуганная всячески

упиравшаяся разводу, обрела показную смелость, несколько дней важно расхаживала по квартире, хорохорилась и с бравადой заявляла «это я с ним развелась, а не он со мной!» И еще это ее – «он». Так мать отца стала называть. Раньше она, например, говорила – Иди, спроси у отца. А теперь – Иди, спроси у него.